Разсказъ еврея, обратившагося въ христіанство.

При столкновеніяхъ по обязанности священника съ узниками, часто приводится слышать отъ нихъ много интереснаго, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ—гдѣ только не бывали, чего только не видали или не слыхали, а также—чего только не испытали въ своей, богатой разнаго рода приключеніями жизни? Съ подобнаго рода человѣкомъ, пересылаемымъ въ Восточную Сибирь, привелось мнѣ не одинъ разъ бесѣдовать. Это былъ еврей, зазимовавшій въ мѣстномъ замкѣ, по имени Мовша Зильбербергъ.

Однажды Зильбербергъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «батюшка, нѣтъ ли чего нибудь обо мнѣ изъ Петербурга?»—«А что такое? Я ни чего не знаю».—«Да я, видите ли, еще тамъ изъявилъ желаніе креститься, потому и думаю, не пришло ли о томъ какого либо распоряженія». «Доброе дѣло, говорю, и если ты дѣйствительно искренно изъявляешь свое желаніе, то оно и исполнится: навѣрное пошлютъ о тебѣ сюда. Однако, скажи мнѣ, что побудило тебя искать истины у насъ? Вѣдь вы, евреи, слишкомъ враждебны къ христіанамъ и ихъ вѣрѣ. Ужъ не корысть ли какая побуждаетъ тебя измѣнить вѣрѣ отцовъ? Или не думаешь ли, что тебѣ, съ принятіемъ христіанства, будетъ облегченіе въ наказаніи, наложенномъ на тебя?»—«Нѣтъ, батюшка, быть христіаниномъ я давно желаю и

давно уже ознакомился съ главными чертами ученія Христа чрезъ чтеніе евангелія, да и участь то настоящая моя есть только слѣдствіе моего желанія быть христіаниномъ. Если угодно, я раскажу вамъ откровенно всю свою жизнь»... Я изъявилъ на то полное согласіе. Вотъ что мнѣ разсказалъ Зильбербергъ.

«Я сынъ военнаго фельдшера; родился въ 1831 г. въ С.-Петербургѣ, откуда 8 лѣтъ, послѣ смерти отца, съ матерью своей перебрался на родину ея—въ г. Вильно. Въ 1842 г., какъ сынъ военнаго, я взятъ былъ въ кантонисты и отправленъ въ г. Пермь въ находящееся тамъ отдѣленіе кантонистовъ. Плохое было наше житье!... Если дѣтямъ русскихъ приходилось лить слезы отъ грубаго и жестокаго начальства и отъ тогдашнихъ порядковъ, то намъ, бѣднымъ евреямъ, приходилось слишкомъ трудно. Помнится мнѣ первый день моего прибытія къ начальству. Дѣло было зимой. Выстроили насъ въ шеренгу на дворѣ; ждемъ командира—нѣтъ; а морозъ свое дѣло дѣлаетъ. Такъ стояли болѣе часа. Наконецъ вышелъ подполковникъ С...., обращаясь по преимуществу къ еврейскимъ мальчикамъ, закричалъ: «здорово, жиды—христопродавцы! Кто хочетъ жить, крестись, а то замучу, засѣку розгами!» Многіе, конечно, и крестилясь, но я устоялъ на своемъ. Будучи, однакожъ, скромнымъ, услужливымъ и способнымъ мальчикомъ, я нѣсколько пріобрѣлъ расположеніе начальства, которое и отправило меня фельдшерскимъ ученикомъ въ Перскій военный госпиталь, откуда черезъ два года—въ Казанскую фельдшерскую школу. Здѣсь, спустя три года, я выдержалъ экзаменъ на фельдшера и былъ опредѣленъ въ Кронштадтскій морской госпиталь. Въ Кронштатѣ прожилъ только одинъ годъ и 9 мѣсяцевъ, потому что, по Высочайшему повелѣнію, всѣ бывшіе кантонисты были уволены и получили право, возвратясь на родину,

приписаться кто куда хотѣлъ: въ купцы, въ мѣщане, въ крестьяне. Такимъ образомъ я опять поселился съ матерью своей въ г. Вильно, приписавшись тамъ въ мѣщане. Но при матери привелось мнѣ пробыть только два года. Вздумалось мнѣ побывать въ чужихъ странахъ и вотъ, съ благословенія матери, отправился я на первый разъ въ Германію. Побывавъ тамъ въ нѣкоторыхъ городахъ, именно: въ Кенигсбергѣ, Торнѣ, Бреславлѣ, Познани, Берлинѣ, я изъ Гамбурга отправился въ Англію, гдѣ и поступилъ въ школу азіятскихъ языковъ на четыре года. Изъ Англіи, пріобрѣвши познанія въ языкахъ Алеутскомъ, Колошскомъ, Гольдскомъ, Гилякскомъ, Манчжурскомъ, уѣхалъ въ Америку, въ Нью-Іоркъ, и поступилъ здѣсь на службу въ консульство переводчикомъ, съ платою по 45 долларовъ въ мѣсяцъ. Слишкомъ 3 года проведены мною въ консульствѣ, послѣ чего я отплылъ въ Новую Голландію, гдѣ опредѣлился въ городскую больницу Св. Станислава подлекаремъ, но вскорѣ отправился въ новый городъ Су, а оттуда въ Калифорнію. Скопивши капиталецъ, я порѣшилъ ѣхать на родину, для свиданія съ матерью, послѣ восьмилѣтней разлуки. На фрегатѣ «Аврора» я прибылъ въ Ситху и здѣсь то имѣлъ счастіе встрѣтиться съ великимъ проповѣдникомъ и просвѣтителемъ дикарей-идолопоклонниковъ, архіепископомъ Камчатскимъ Иннокентіемъ, который, узнавши, что я хорошо знакомъ съ языкомъ инородцевъ, предложилъ мнѣ быть его спутникомъ при объѣздѣ острововъ Алеутскихъ, съ платою по 35 рублей въ мѣсяцъ. Трудно высказать вполнѣ о тѣхъ подвигахъ, которые подъялъ на себя этотъ великій подвижникъ! Путешествіе на оленяхъ, недостатокъ иной разъ пищи, суровая природа, непогодь, враждебность дикарей и оскорбленія съ ихъ стороны—все это старецъ переносилъ терпѣливо и благодушно. Часто на мои замѣчанія о столь непосильныхъ

его трудахъ, онъ говорилъ мнѣ о терпѣніи и о тѣхъ наградахъ на небесахъ, какія ждутъ всѣхъ, дѣлающихъ добро для Бога и ближнихъ. Неутомимо въ теченіе 9 мѣсяцевъ, великій старецъ предъ сотнями дикарей проповѣдывалъ истиннаго Бога, съ одушевленіемъ, ревностію, часто со слезами на глазахъ, поучалъ ихъ истинамъ евангелія и труды его не остались безплодны: за это время крестилось дикарей обоего пола около 1800 душъ (*). Но для меня подобная жизнь, исполненная всякаго рода лишеній, была не подъ силу. Изнурившись отъ мучительнаго пути, скудной пищи и стосковавшись по родинѣ, я просилъ архіепископа Иннокентія освободить меня отъ обязанностей переводчика и уволить къ матери старухѣ. «Ступай, сказалъ онъ, утѣшь свиданіемъ мать свою; добрый путь тебѣ, сынъ мой, вѣрь, что за труды твои наградитъ тебя Богъ, а я увѣренъ, что Господь Іисусъ Христосъ призоветъ тебя въ число своихъ послѣдователей, и ты будешь истиннымъ христіаниномъ». Поцѣловавъ со слезами руку почтеннаго старца, я на пароходѣ «Св. Николай» отплылъ до г. Николаевска, гдѣ радушно былъ принятъ сыномъ Преосвященнаго о. Гавріиломъ, отъ котораго на другой день на пароходѣ «Зея» отправился до Шилкинскаго завода, а тамъ на почтовыхъ ближе къ своей родинѣ. Такъ судьба столкнула меня съ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ и найти рѣдко. И можетъ быть 9-ти мѣсячное совмѣстное путешествіе и общеніе съ столь великимъ подвижникомъ заронило во мнѣ первую искру вѣры во Христа Спасителя.

По пріѣздѣ на родину я засталъ мать свою въ живыхъ. Скоро нашлась и зажиточная невѣста. Послѣ женитьбы,

---

(*) При Преосвященномъ Иннокентіи, въ путешествіи въ то время, находились іеромонахъ Венедиктъ и келейникъ Іоаннъ, крещенный изъ бурятъ. Нужно сказать, что путешествіе это было въ концѣ 1859 и въ началѣ 1860 г.

соединивъ свои сбереженія съ деньгами жены своей, я занялся торговлею и повелъ дѣла довольно счастливо. Чрезъ годъ послѣ свадьбы умерла мать моя, оставивъ мнѣ тоже небольшой капиталецъ. Такимъ образомъ, жизнь моя потекла счастливо. Хотя съ перваго времени я держалъ въ памяти слова приснопамятнаго старца Иннокентія, но съ теченіемъ времени, при суетѣ жизни, мало по мало все забывалось и подъ конецъ изгладилось изъ сердца. Такъ пролетали дни и годы незамѣтно, и не знаю, долго ли бы я пробылъ во тьмѣ заблужденій? Но Богъ, по милости своей ко мнѣ, не оставилъ меня безъ указанія: онъ пробудилъ меня отъ сна лжевѣрія. Я сильно заболѣлъ. Болѣзнь моя такъ усилилась, что лекари, пользовавшіе меня, отняли всякую надежду на спасеніе моей жизни,—такъ я былъ труденъ. Жена, родственники и посторонніе окружали мою постель, ожидая съ часу на часъ моей смерти. Между тѣмъ я находился въ дремотномъ состояніи. Вдругъ вижу, что къ кровати моей подходитъ какой то старецъ, въ бѣлой какъ снѣгъ мантіи, и, оградивъ меня крестнымъ знаменіемъ, говоритъ: заблуждающаяся душа! увѣрь въ Господа Іисуса Христа, крестись и спасенъ будешь! Громко вскричавъ: «увѣрую!»—я проснулся. Черезъ три ночи тотъ же старецъ опять явился не во снѣ, а какъ бы на яву, и повторилъ тоже самое. Я спросилъ его: кто ты? Николай, котораго называютъ Чудотворцемъ, отвѣтилъ онъ и сталъ невидимъ. Тогда я громко проговорилъ: вѣрую, Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога вѣчнаго—спаси меня! Всѣ евреи, окружавшіе мою постель, слыша это, дивились и говорили: что то недоброе ему привидѣлось. Послали за раввиномъ, который допрашивалъ о причинѣ произнесенія мною тѣхъ словъ, но я ничего не сказалъ. Въ эту же ночь я сильно потѣлъ и съ той поры сталъ выздоравливать. Уже по выздоровленіи разсказалъ женѣ своей о ви-

дѣнія... Но какъ сильно держать умъ нашъ въ своей власти тѣ религіозныя убѣжденія, въ которыхъ мы взросли и утвердились! Не смотря на это чудесное событіе въ моей жизни, я все еще медлилъ сдѣлаться христіаниномъ, и даже колебался. Нужно было еще болѣе рѣзкое напоминаніе для обращенія меня въ путь истинный, и Господь не замедлилъ дать знакъ своей заботы о мнѣ. Вскорѣ послѣ Пасхи, когда еще шелъ ледъ на рѣкѣ Вислѣ, мнѣ необходимо было переправиться на противоположную сторону рѣки, въ одну слободу. На берегу рѣки я узналъ, что ѣхать на паромѣ нельзя, а можно только въ лодкѣ. Рѣшились. Сѣло насъ въ лодку человѣкъ 10 и перевощикъ. Поплыли; но лишь достигли середины рѣки, какъ вдругъ большая льдина, ударившись въ бокъ лодки, перевернула ее вверхъ дномъ. Въ этой смертельной опасности я отъ глубины души возмолился Чудотворцу Николаю о спасеніи и не знаю, какъ очутился на твердой землѣ. Спутники же мои всѣ утонули. Послѣ этого чудеснаго спасенія я уже окончательно порѣшилъ бросить свою прежнюю вѣру и сталъ думать о переходѣ въ христіанство: началъ читать евангеліе, житія святыхъ угодниковъ, заставляя въ тоже время слушать и жену свою, которой такъ все это понравилось, что она просила меня научить ее читать, что я и исполнилъ. Такимъ образомъ я и жена моя все свободное время проводили въ чтеніи христіанскихъ книгъ и послѣдняя весьма часто напоминала мнѣ о Св. Угодникѣ Николаѣ. Подготовившись нѣсколько къ принятію свѣта Христовой вѣры, я попросилъ одного знакомаго русскаго написать прошеніе къ Минскому Преосвященному о просвѣщеніи меня съ семействомъ св. крещеніемъ. Въ то время, когда я былъ въ Минскѣ, человѣкъ, писавшій мнѣ прошеніе, разсказалъ содержаніе его евреямъ. Поднялся среди нихъ гвалтъ и переполохъ. Всѣмъ кагаламъ они явились

къ женѣ моей и требовали съ угрозами, чтобы призналась во всемъ, что у насъ съ нею кроется. Само собою разумѣется, что жена моя, изъ страха предъ своими единовѣрцами, ничего не открыла имъ. Между тѣмъ Минская консисторія затребовала о мнѣ и моемъ семейномъ положеніи свѣдѣнія; но евреи, взбѣсившись, конечно, на мое намѣреніе быть христіаниномъ, увѣдомили консисторію, что такого человѣка, т. е. меня, въ ихъ обществѣ не находится. Узнавъ объ этомъ, я рѣшился самъ ѣхать домой, но здѣсь встрѣтили меня такъ злобно, съ такимъ ожесточеніемъ, что, опасаясь за свою жизнь, долженъ былъ наскоро собраться и отправиться опять къ Преосвященному, которому и разсказалъ все случившееся со мной и который, узнавъ, что я родился въ Петербургѣ, посовѣтовалъ добыть мнѣ свѣдѣнія о себѣ оттуда. Прибывши въ Петербургъ безъ паспорта, который, нужно сказать, былъ отнятъ у меня единовѣрцами, я явился къ одной изъ высокопоставленныхъ мѣстныхъ духовныхъ особъ, съ просьбою о помощи въ настоящемъ дѣлѣ, и получилъ совѣтъ обратиться мнѣ за содѣйствіемъ къ градоначальнику. Я послушался; но градоначальникъ, узнавъ, что я безъ паспорта, заключилъ меня подъ арестъ. По моимъ показаніямъ, навели въ мѣстѣ жительства моего справку, но, какъ и нужно было ожидать, еврейское общество рѣшительно отказалось признать меня своимъ сочленомъ. И вотъ я, какъ бродяга, осужденъ и иду въ Восточную Сибирь на поселеніе, однакоже, намѣренія своего принять христіанство я не оставилъ и не оставлю; думаю, что скоро придетъ обо мнѣ изъ Петербурга бумага, по которой я могу здѣсь креститься. Если буду здоровъ и приду на новое мѣсто жительства, то вытребую и свое семейство, которое, надѣюсь, также оставитъ свои еврейскія заблужденія.

Вотъ что разсказалъ мнѣ Зильбербергъ. Все ли тутъ

правда—незнаю: оставляю на совѣсть его и передаю только его разсказъ, какъ онъ сохранился въ моей памяти и какъ кратко изложенъ Зильбербергомъ въ оставленной мнѣ запискѣ о своей жизни. Въ заключеніе скажу, что вскорѣ же въ Тобольскую консисторію было прислано прошеніе Зильберберга, поданное имъ въ Петербургѣ, о желаніи его креститься, на что и послѣдовало надлежащее разрѣшеніе. Послѣ предварительныхъ наставленій въ истинахъ православной вѣры, Зильбербергъ былъ 16 мая н. г. просвѣщенъ св. крещеніемъ, а чрезъ недѣлю послѣ того отправился на мѣсто ссылки.

Священникъ Тоб. Тюр. церкви Михаилъ Лебедевъ.